

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 34

1976

Феликс ЧУЕВ

СВЯТЫНИ ДНЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
М О С К В А

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 34

Феликс ЧУЕВ

СВЯТЫНИ ДНЕЙ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1976

Феликс ЧУЕВ

Феликс Иванович Чуев родился в 1941 году в городе Свободном Амурской области. В 1964 году окончил факультет автоматики и вычислительной техники Московского энергетического института и работал в вычислительном центре. Занимался в аэроклубе, был авиационным спортсменом, инженером-испытателем. Окончил высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. На XVI съезде комсомола избран кандидатом в члены ЦК ВЛКСМ.

Первое стихотворение Чуева было опубликовано, когда поэту исполнилось 15 лет. Вышли книги стихотворений и поэм «Год рождения 41-й», «Красные асы», «Избранная лирика», «Гражданская лирика», «Ясно солнышко», «Соколиная песня крыла», «Минута молчания», «Отчество», «Пилотка», «Вирази», а также книги поэтических переводов с языков братских народов СССР.

Стихи поэта издавались на языках народов СССР и за рубежом.

Феликс Чуев — лауреат литературной премии имени Н. Островского.

ПЕРВЫЕ КОСТРЫ

Был у меня дружок —
Кравцов Валера,
Особо дорог самый первый друг,
с которым вы вступали в пионеры,
здоровались,
не пожимая рук.

С Валеркой
мы не лазили по крышам —
и голубей-то не было своих!
Запомнилась багровая жарница
послевоенных ржавых мостовых
и детская площадна у райкома —
талончики прозрачные в руках, —
где все-таки
«железно» и «законно»
нам выдавали кашу в котелках.

Надежно спички в картузы упрятав,
не раздражая нервных матерей,
мы нежно вращали им:
— Совет отряда! —
и мимо школы мчались поскорей.

Смешные открыватели природы,
великие
мальчишеской поры,
мы разжигали в царстве огородов
задумчивые
синие костры.

Мне иногда так хочется погреться
у тех костров —
они недалеко!

Когда нам трудно, приближаем детство,
как будто в детстве
было нам легко.

* * *

Ехать летом да по равнине.
Сладко молоды мы пока!
Проплывают над Украиной
плоскодонные облака.
И ложатся большие тени
на несокошенные поля,
и пикируют сновиденья
на славянские купола.
Тишина такая большая,
как широкие уши ракет.
И задумались полшурья
над сумятицею газет.

Но опять поднимутся люди над бессоницей всей земли. Что-то будет. Да, что-нибудь будет! — мы, конечно, не все смогли.

Мы закончимся, ребяташки,
на неконченных рубежах,
где сейчас все смелей и чище
обновление держит шаг.

Но и там останется верным
то, чем до смерти дорожу:
год рождения — сорок первый —
я под отчеством напишу.

* * *

Степи я люблю. Люблю ковыльи!
 Выйду в степь я — степь меня поймет!
 Низко пролетит, раскинув крылья,
 что улыбка неба, самолет.

И забыть про горе, невезенье —
хоть на миг, а все-таки забыть —
и глядеть, как пришивает землю
прямо к небу солнечная нить!

КУРСАНТ

Небо синее,
негасимое
ночью светится на крыле.
Мама спит моя.
Спит любимая.
Спят товарищи на земле.

Коли выбрал, друг,
авиацию,
значит, прожил ты
много лет.
И из «штопора» под овации
выводил ты свой «драндулет».

Подымал страну свою милую
над просторами всех морей
с водопьяновской
краснокрылою
славой первых богатырей.

Небо гордое Ленинграда,
небо горькое,
как война.
Головановские армады,
знаменитые имена.

Это славное —
твой союзник,
самый прочный в мире металл, —
как фанерный тот
«кукурузник»,
что мальчишкой ты увидал.

СЕВЕРО-ЗАПАД

Вот здесь и начало Отчизны,
где Трувор с дружиной ходил,
где честным знамением жизни —
полки безымянных могил.

Вот здесь геометрия взлета
седых, равнобедренных крыш,
где вся голубая от пота
земля, на которой стоишь.

И гордые тучи в покое
на старой изборской стене,
и грозное море Чудское
с известными псами на дне.

И дом Карамазовых в Руссе,
и гения страшный овал,
который спокойно, как устье,
всемирную бездну вобрал.

Как вечные, черные руки,
деревья земля вознесла
сквозь пламя и муки Красухи,
деревни, сожженной дотла.

Здесь чувство Отчизны победно
восходит к началу начал,
и здесь оно очень конкретно,
как желтый сосновый причал.

Как девочка — вся золотая, —
припав на лодчонке к рулю.
И я в этом небе летаю,
и я эту землю люблю!

* * *

Пшеничные пожарища,
амурская вода.
Я с вами был,
Товарищи
Двадцатые года.

Хлеб,
черный хлеб,
и золото.
И спекулянты толстые.
Опухшие от голода
наркомы продовольствия.
От мужика до Ленина —
тачаночные версты.
И кровь струится медленно —
моя —
из раны Щорса.
Но в кровь серпы легли втроем,
и рядом — молот «Р».
Ребенком
и богатырем
вставал СССР.
Вздывается эпоха,
дымятся города.
Индустриальный грохот —
Тридцатые года!
И вновь покроют кровью
тоску дорожной пыли
проверочно-суровые
Года Сороковые.
Валялся я в подвале,
железом жгли: — Скажи! —
Меня четвертовали,
но я остался жив!
Седой неунывающий,
воскресший из огня,
я с вами был,
товарищи,
хоть не было меня!
Штурмует Поколение
твердыню новых лет.
И Ленин,
Ленин,
Ленин —
уже на всей земле! —
За мною солнце носится,
целуя этажи,
и столько в строки просится,
что нужно долго жить!
И я спешу,
Товарищи

Грядущие года,
седой,
неунывающий
приду к вам,
и тогда
из этих дней горячих,
единственных таких.
я вырву
настоящие,
насущенные стихи!

* * *

Среди подмосковных берез
раскинулось поле большое,
и носит окрестный колхоз
знакомое имя героя.

Он где-то далеко от дома
в обычном смертельном бою
в селе, землякам незнакомом,
на землю упал не свою.

Хоть ночи разбужены веснами,
да все не подымут ребят.
Под яркими польскими звездами
советские парни лежат.

Приносят девчонки босые
ромашки с нерусских полей,
как почесть народам России
за слезы ее матерей.

Учитель ведет первоклашек
на первый урок в сентябре.
Учитель сперва им расскажет
не то, что у них в букваре.

— Запомните имя, ребята, —
он пал за славянский народ! —
Решение жителей свято
и каждую осень живет.

...По-девичьи шепчет пшеница,
и ветер доносит: «Сто лят!»
И мудро спасителям спится,
и красные звезды горят.

МАЛЬЧИКИ ГОРОДА КРАГУЕВАЦ

*В этом городе в минувшую войну
фашисты расстреляли 7000 детей
в один день.*

О той войне пропето много,
и новой песней о войне
не удивишь. Но есть дорога
в далекой, помнящей стране.
И этот город югославский
я позабыл бы, промолчал,
когда б не мальчики из классов —
была работка палачам.
И за колонной, за колонной,
едва догнав ребячий строй,
спешил учитель убежденный,
без шляпы, маленький, хромой.

Был обер-лейтнант деликатен:
— Профессор, что вы? С вами бог! —
А он, учитель: — Не мешайте,
я продолжаю свой урок.

И перед каждым из мальчишек,
перед бессмертием высок,
он встал к обрыву: — Дети, тише,
я продолжаю свой урок.

...А колонна новая, другая,
тихо шла к обрыву позади —
чистильщики малые окраин,
ящики большие на груди.

В туче, незаплаканной и серой,
таяли негромкие шаги
тех, кто иноземным офицерам
отказался драить сапоги.

Цыганенок был у них постарше,
никакой не брал его испуг:
— Ничего, ребята, смерть — не страшно.
Смерть мгновенье.
Страшен только звук...

И стучат, и падают мальчишки,
щётками по ящикам стучат,
чтобы только выстрелов не слышать...
И навеки выстрелы молчат.

Над славянской скошенной крышей
утром дымным стелется туман
неубитой памятью мальчишек,
сыновей балканских партизан.

Это место вижу я отлично.
В алых маках каждый бугорок.
И отдельная табличка:
«Не мешайте продолжать урок!».

Я пою о людях Югославии,
очень близких сердцу моему.
Любят русских эти люди славные,
и теперь я знаю — почему.

Это чувство так необходимо —
понимать, что ты не одинок.
В мире пахнет порохом и дымом.
Не мешайте продолжать урок.

В ГОСТЯХ У МОСОЛОВА

Есть к подвигу любовь.
Ее основа
да будет жить как дар,
как волшебство.
Вот я сижу в гостях у Мосолова
и сам не знаю, что люблю его.

Какие есть герои у России! —
с медалями француза де ля Во —
дают их за рекорды мировые.
Но три такие только у него.

Он дважды, трижды умер и родился,
великий русский летчик Мосолов,
когда в покоях Боткинской больницы
врачи его сшивали из кусков.
Бинты на нем насквозь пропахли гарью,
от лютой боли наступала ночь.
Тогда пришел к нему пилот Гагарин —
не подбодрить, а вместе перевозмочь.
...Хранит не боль —

улыбчивую шалость —
любительского фильма карнавал.
Ведь это свет от Юры отражался
и на бегущей пленке застывал!

Хозяин электричество включает, —
Ни Юры, ни медалей де ля Во, —
и только мы, вечерние, за чаем,
как будто бы и не было всего.

Вернее, было все, но без аварий,
без мук и неутешного следа,
и в Звездый возвращается Гагарин
и, может, завтра позвонит сюда.

МАТЕРИНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Ослепнуть от первого снега,
без майки шагнуть за порог,
где щедро, как манна с неба,
он сыплется — между строк.

Земля, как бумага, скрывает
под ним откровенье свое,
и лишь кое-где выпирают
стихами — деревья, жилье.

И зорюшки свет повивальный,
и синего леса тайник...
И вся ты светла и печальна,
как судьбы поэтов твоих.

* * *

Маме, если б она жила сейчас.

Пахнет садом,
                    пахнет сонной мятой,
спелый ветер трогает кусты.
Пахнет на веранде пол дощатый
так незабываемо, как ты.

И фонарь за домиком качается,
и квадраты света под окном.
Все, что наказуемо, — прощается,
пыльный день закончен босиком.

Мама в тазик наливает воду,
вечером холодная вода.
Боязно так, зябко,
будто сроду
воду я не видел никогда.

В трусиках сижу я на скамейке,
толечко ступеню прикоснусь —
входит мама.

Мама видит мельком,
будто и не смотрит.
Ну и пусть!

Насухо дерюжкой вытираю,
и тепло подошвам, и свежо
Босиком, на цыпочках, по краю —
по дорожке...
Страшно...
Хорошо!

Месяц
скибкой недозрелой дыни
к медвежонку-облаку поплыл...
Если б не осталось той святыни,
что б я вспомнил,
да и чем бы жил?

ГОРОД НЕФТЯНЫЕ КАМНИ

Когда пройдешь по эстакадам,
что через море пролегли,
поймешь соленую отраду
людской работы вне земли.
И скажешь: так оно и надо.
И хоть привычный здешний труд
достоин славы космонавта —
не слава празднуется тут, —
а из-под волн,
со дна морского
по трубам —
таинство огня,
непостижимое, как слово,
вдруг осенившее меня.
Когда намучены, усталы,
стихи не просятся в полет —
как по холодному металлу,
по ним поэзия забьет!
Но в трубах скрытое богатство,
что так мучительно ждалось,
собой не даст полюбоваться,
оно — работа, риск и злость.
Не зря сердито гонит Каспий
на сваи
стаи грубых волн,
и мастер —
в черном масле аспид —
кричит сквозь ветер:
— Танкер полн! —
Не зря —
железного покроя
здесь начинали дело те,
живые, павшие герои —
и вырос город на воде!
Машины —
можете не верить —
на деревянных мостовых
по сто, по двести километрят
до вышек дальних буровых...
Когда звезда на Каспий брызнет
сквозь небо, черное, как нефть,
и — хоть не часто в шумной жизни —
ему прикажет не шуметь,

то тишина взойдет такая,
что слышно: палубы журчат,
и боги нефти отдыхают
в кино, среди богинь-девчат.
Как будто бы курорт на водах,
и вовсе не было труда...
В суровых
радужных разводах
лежит геройская вода.

* * *

Спасибо, жизнь, благодарю,
спасибо, не улыба,
что я по-русски говорю,
тебе мое спасибо.

За ночь, пропахшую весной,
и море у обрыва,
за то, что не было со мной
всего того, что было,

а только где-то предстоит
пройти и удивиться —
в лесу, где зорюшка горит
непойманной Жар-Птицей.

Там свет такой, что провода
колышутся от света,
там над водою никогда
не потухает лето...

За все «ах, если да кабы»,
которые не встретил,
за то, что зрею для борьбы
на этом строгом свете!

* * *

В тиши окраинных ночей
пустынных улиц Лиенаи
я выходил один, ничей,
свое призванье забывая.
Я тихо к небу выходил,
где море светит у обрыва,

и небо мне дарило диво
среди разрозненных светил.
Как будто два живых крыла
просили бури за спиною,
и море женщина несла
в руках светящейся волною.
Еще далекая, вдали
всходила та, совсем иная,
моя, до лучика земная,
хоть в небе не было земли...
Я так люблю твоё лицо
с такими черными бровями,
с такими синими ветрами,
тебя объявшими в кольцо,
походку гордую твою,
казачьей верности рисунок,
в котором чисто, как спросонок,
ты утром светишься;
люблю
твои полночные глаза,
невыносимые, родные,
какие только образа
хранят нетленными доньяне.
Любите тех, кто любит вас, —
скажу в конце стихотворенья,
как будто этих слов значенье
насквозь увидел в первый раз.

* * *

Я знаю, что ты есть. Я не забыл,
что ты живешь в полярном городке.
Полярный ветер надо мной завыл,
тупым ножом ударил по щеке.

Твое письмо так медленно летело
недели под снегами сходя, —
как будто бы летело по метелям
и наконец-то встретило меня.

Зачем пишу? Забыть бы поскорее
и красный стол, и слушающий зал.
Другой мальчишка, чуточку робя,
стихотворенье «Летчики» читал.

Но что-то есть, наверное, такое
в той памяти волшебного пера,
когда его попробуешь рукою
и столько вдруг почувствуешь добра!

* * *

Не золоту, а сердцу на потребу —
и не было достойней ремесла —
мою страну воспитывало небо,
и вместе с небом Родина росла.

Все больше неба люди отнимали,
все выше крыши каменных домов,
но синева, торжественно немая,
цвела раздольным пастбищем умов.

Она звала и лучшим говорила,
что будущее старенькой Земли
не на земле, усталой и бескрылой —
выдумывайте, стройте корабли!

...Когда машина загребает воздух
и на куски ломает синеву,
и с плоскости соскальзывают звезды —
я твердо знаю, для чего живу.

Моя страна, земли тебе хватало,
корысть какая — налетаться всласть!
Страна моя,
ты первой начинала
и первой
выше неба вознеслась.

Да будет светел
каждый твой поступок,
как след твоих высотных кораблей,
да будет мир признателен и чуток
к тому, что ты свершила для людей!

РУССКИЕ ПИЛОТЫ

Русские пилоты,
родины краса.
Щеки загорелые,
честные глаза.

Пыльная дорога,
пыльный самолет,
пыльная лошадка
медленно везет.

Под горячим шлемом
кожа поползла.
В месиво дюралья
вытекли глаза.

Черная палата,
черная кровать.
— Доктор, не молчите —
буду я летать? —

Русские пилоты.
Изгородь. Бурьян.
Все «при исполнении»
да от старых ран.

Верные товарищи,
вечные друзья.
И, забывающий,
перед вами я.

Кровью и призванием
всем, о чем пишу,
к вашему сословью
я принадлежу.

ЛЕТЧИКИ

Егору Исаеву.

Четыре человека выпивали,
забыв про жен, забыв про все дела.
Они не выпивали, а летали,
и комната кабиною была.

И командир, над столиком сломившись,
эмалевую «Звездочку» — в вино!
А после он отдаст ее сынишке —
ведь летчики не носят орденов.

У летчиков все звания равны.
На летном поле мало козыряют.
А в воздухе погоны не нужны —
У летчиков и маршалы летают!
А я люблю их, добрых и отчаянных,
когда они гуляют, как никто,
не потому, что много получают,
а потому что завтра: — От винтов!

И, если разобьется слово «нужно»,
друзья исполнят непосильный труд:
те «Звездочки» на бархатных подушках
по улицам застывшим пронесут.
Но не венков заплаканную зелень
а вижу я, как, спрыгнув с корабля,
они идут, отталкивая землю, —
поэтому и вертится Земля!

* * *

Растут,
растут
нелегкие мальчишки,
из века в век растут,
из года в год.
Не каждому достатки да излишки
дарует детство от своих щедрот.

Растут,
и рвутся из дому скорее,
и жатвой полнят знаний закрома,
и все-таки ни капли не взрослеют,
а только набираются ума.

Когда бы детство
в детстве и осталось,
и знали б только дело да покой,
наверно б, меньше горюшка досталось,
но и любви бы не было такой.

Есть звезды в лужах,
журавли над рожью,
есть города —
Житомир и Ковров.
Друзья-то звали мальчика Сережа,
ведь это он для мира —
Королев.

ПРИРОДА РУССКАЯ

Природа русская, спаси меня, родная!
Когда гроза шумит, не уставая,
и семь ветров колышут небосвод,
я выхожу в распахнутые сени —
пошли мне, мир, такое озаренье,
чтоб я поверил в сумрачность дорог,
чтоб даже в мыслях был не одинок
и был необходим, как пробужденье.
Чтоб, радугой полмира опоясав,
воскресший день на славу удался!

Когда роса не хочет испаряться,
когда — она — воистину роса,
иду степями — я ли не россиянец? —
вдыхаю цвет синеющих степей
и ночью, несказанной, росистой,
в лесу вынает душу соловей.

Несу ее, что раненую птаху,
что ласточку с надломленным крылом,
иду живой — широкая рубаха,
и мне ли горько маяться в былом?
Когда в лицо мне шало и студено
швыряет одиночеством пурга,
пусть под пером растут непринужденно
измазанные зеленью луга.

Всему живому говорю: живи.
И радуется сердце, и болит как —
за каждую внезапную былинку,
что выросла на маминой крови.

Природа русская, ты женщина, природа,
и у тебя особое чутье:
в любой обман, в любую непогоду
ты нам даруешь что-нибудь свое.

И я люблю природу потому,
что где-то есть во мне еще такое,
чего я сам пока что не пойму
и никогда ничем не успокою.

ГАЛИНА СЕМЕНОВНА

Ветер злой и веселый
смеялся вдогонку,
ветер шлепал по лужам
босым сорванцом,
грохотала гроза,
хохотала девчонка,
запрокинув под дождь
озорное лицо.

Здравствуй, город Звенигород,
солнцем каленный,
и пахучие сосны,
и воздух цветной,
здравствуй, Галочка-Галя,
Галина Семеновна —
пятый год это имя
кружит надо мной.

Как же так получилось,
ах, елки зеленые,
что же это такое,
кому рассказать?
сколько Галок на свете,
Галина Семеновна,
да не все они, Галя,
умеют летать.
Я под словом «летать»
понимаю все лучшее,

как под словом «любить»
понимаю полет.
Самым первым полетом
меня ты отмучила
так, что все остальное
отбросим — не в счет.

Все. Закончен парад.
Уносите знамена!
Как я долго шагал
по твоей мостовой!
Я к Москве привыкаю,
Галина Семеновна,
но боюсь, что когда-нибудь
встречусь с тобой.

И чего я боюсь?
Как апрель бесшабашный,
Мы и так хороши.
И не нужно вдвоем.
Только б ты не была,
не осталась вчерашней,
хоть и мир не погибнет,
и мы проживем.

* * *

Если милая вдруг да разлюбит,
а разлюбит — случается вдруг,
лишь вчера ты веселый и любый,
а сегодня — не муж и не друг, —

будь бойцом —
полководцем, солдатом,
чтоб никто по лицу твоему
не увидел, какую утрату
пересилить пришлось одному.

Да и кто бы тебя ни обидел,
и каким бы ни стал ты чужим,
в этой жизни лишь тот победитель,
кто считает себя таковым.

БАТЯ

Стихи о Человеке

*Всем, кто «не вернулся на базу», всем,
кто «погиб при исполнении служебных
обязанностей», всем, кто летал и летает...*

1

Начинается сказка
на синих холмах,
в фиолетовых рощах и лунных домах.
Там белесая пыль,
там долина в огне,
крутолобый комбриг на седом скакуне...
Это было в кино,
в продолжениях снов.
Сероглазый малыш,
я вдыхал Кишинев.
И на влажных акациях
пела заря...
Проходил человек,
командир корабля.
Я усну,
и он снова пройдет,
и опять
на зеленом крыле —
«42 — 35».
Но недвижим пропеллер.
Осела земля.
Сероглазый пилот,
командир корабля.
И щебечут птенцы —
им пора улетать,
и в наушниках шум:
«Сорок два — тридцать пять».

2

Я смотрю на маленькое фото.
И на нем я маленький такой!
Выцвело уже на обороте:
«Папочка, бери меня с собой!»

Их набухшие, красные веки
смотрят то на меня, то вперед.
Надвигалась минута веком.
Надвигаясь, рос самолет.

Нет, не машет.
Я знал об этом.
Я нарочно себя обманул!
Папка,
        батя,
                где же ты, где ты?

Тишина.
        И вдруг:
                — На-краул! —

Чей-то гроб. Коричневый. Строгий,
Чей-то тихий, сдавленный крик.
Вдоль штыков — прямая дорога,
словно в сердце вонзенный штык.

Под знаменами тихо открыли...
Все.
Щемяще-родные черты.
Только руки —
                подбитые крылья.
Папка,
        батя,
                да это же ты!

Все.
Сочувствие, вздохи и взгляды
растворились в понятии «один».
Люди шли. И, наверное, рядом.
Я, не слушая, слышу:
                — Сын. —

Машинально двигались ноги,
машинально падал снежок.
Нет длинней и короче дороги,
что оркестр Шопеном прожег.

Вышло солнце
        и скрылось в смущенье,
и нахмурили лбы облака.
На углу крестился священник —
хоронили большевика.

Прощай, отец.
Сейчас уйдешь ты в фото —
все дальше, дальше
искорками глаз.
Есть на земле традиция пилотов —
пропеллер.
Фото.
Желтый плексиглас.

Ты столько подарил мне после смерти,
быть может,
даже больше, чем живой,
и потому все лучшее на свете
посмертно
закрепляю за тобой.

И все твое — не просто символично,
а доброе познание руки,
и потому
в твоём планшете личном
сейчас лежат мои черновики.

Я знаю, батя, —
и пускай не скоро —
ты полетишь инструктором со мной!
Мне б оттолкнуться...
Я ищу опору.
Твои глаза я чувствую спиной.

5

А дома я его боялся:
перепало горячо!
Но все ж нарочно ставил кляксу
и переписывал еще.
— Еще! —

и снова дую губы
и безнадежно жду ремня.
А он поворошит по чубу
и улыбнется:

— Весь в меня!
И было мне наградой лучшею,
когда с друзьями он шутил:
— Учись, сынок!

А недоучишься —

придется в летчики идти!
Но я уже —

я был пилотом —
в пилотке синей со звездой,
и по сравнению с полетом
мне все казалось ерундой.

Особенно куриный почерк
меня ни капли не смущал,
но чтоб мужчина —
и не летчик —
такого я не представлял.

Но нету детства. Нету дома.
Переучился. Променил.
И по утрам аэродромы,
как дети, плачут без меня.
Там друг мой,

Славка с кличкой «Малый»,
пройдет ботинками в росе
и спросит взросло и бывало:
— Куда летит Евсеев Сэ?
И поднимаюсь я упорно
опять к отцу,

к друзьям отца,
что в той еще!
пилотской форме
ушли навечно в небеса.

Там пахнет солнцем и перкалью
от них, стареющих, родных.
Они командуют полками,
и мемуары — не про них.

Там всюду след арийских асов,
и в лужах, между облаков,
плывут обломки плексигласа,
и голубая стынет кровь.
Там самолеты «И-16»
не «ишаки», а короли!
Там Чкалов —

маршал авиации,
и только нету там земли.

Я снова вижу эту тайну,
а ниже — спящую Москву,

и снова, снова я летаю
и приземлиться не могу.
И так еще я долго буду.
Летать —
ведь это не ходить.
Летать —
ведь это очень трудно.
Наверно, так же,
как любить.

6

Пилотка!
Это слово как находка —
чтоб высота во всем,
чтоб побеждать.
Не зря
войну протопала в пилотках
пехота,
не умевшая летать.

Я начался,
когда ее увидел я
у бати высоко на голове.
В пилотке той, как лучшее событие,
открыл я:
«Чуев, 1-я АЭ» *

Чернилами,
размытыми и милыми,
он жил,
солдатской собственности знак.
Вот так
я ощутил свою фамилию,
что это я —
почувствовал вот так.

7

Я сижу под вишней, отдыхаю.
Сходится отцовская родня.
Женщина, когда-то молодая,
вижу, долго смотрит на меня.

---

* Авиационная эскадрилья.

Говорит мне: «Батенька ты вылитый,—
плачет,— да какой же ты т а к о й!
Он, бывало, Ваня, перед вылетом
точно так же мне махнет рукой...»

Что я ей напомнил? Я не ведал.
Но она с собою унесет
первые отцовские рассветы,
первый свой несбывшийся полет.

Где они расстались, я не знаю.
Почему их юность развела?
Женщина великая, другая
все на свете для него смогла.

Это так, наверное, немало
то, о чем молчит, не говорит.
Все, что даже мама не узнала,
женщина печальная хранит.

...Так она разбуженно глядела
памятью и верностью очей,
будто очень издавна жалела,
что не стала матерью моей.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Первые костры	3
«Ехать летом да по равнине»	4
«Степи я люблю. Люблю новылыи...»	4
Курсант	5
Северо-Запад	6
«Пшеничные пожарища...»	6
«Среди подмосковных берез...»	8
Мальчики города Крагуевац	9
В гостях у Мосолова	10
Материнская земля	11
«Пахнет садом...»	12
Город Нефтяные Камни	13
«Спасибо, жизнь, благодарю...»	14
«В тиши окраинных ночей...»	14
«Я знаю, что ты есть. Я не забыл...»	15
«Не золоту, а сердцу на потребу...»	16
Русские пилоты	17
Летчики	17
«Растут...»	18
Природа русская	19
Галина Семеновна	20
«Если милая вдруг да разлюбит...»	21
«Спи, любимая...»	22
В мюнхенском музее	22
Батя. Стихи о Человеке	24

Феликс Иванович Чуев

СВЯТЫНИ ДНЕИ

Редактор — Е. А. Антошкин.

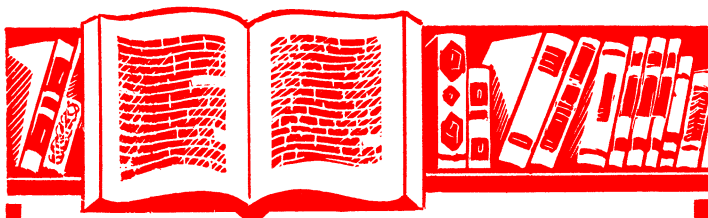
Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 2/VII 1976 г. А 00701. Подписано к печати 27/VIII 1976 г. Формат 70×108^{1/32}. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,65 учетно-изд. л. Тираж 100 000. Изд. № 2324. Заказ № 2504. Цена 4 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В ИНТЕРЕСАХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Всероссийская книжная лотерея создана для книголюбов. 90% средств от реализации лотерейных билетов направляются на выигрыши.

- В среднем каждый третий билет выигрывает!
- За истекшие 10 лет по билетам книжной лотереи читатели приобрели свыше 400 миллионов книг—это библиотека миллионов!
- В книжной лотерее нет тиражей выигрышей—выигрыш (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) заранее обозначен в запечатанном билете.

По выигрышному билету читатели могут получить интересные их книги, альбомы, эстампы и другую печатную продукцию, имеющуюся в ассортименте книжных магазинов и киосков.

ПОПОЛНЯЙТЕ СВОИ БИБЛИОТЕКИ ПРИ ПОМОЩИ

ВСЕРОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ЛОТЕРЕИ!

*Дирекция Всероссийской
книжной лотереи*